

Явление сиротства в контексте исторического развития Дальнего Востока во второй половине XIX — начале XX в.

Светлана Ивановна Лазарева,

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток.
E-mail: history37@mail.ru

В статье рассматривается проблема сиротства в контексте исторического развития Дальнего Востока России в пореформенный период. Раскрыты причины, способствовавшие её обострению во второй половине XIX — начале XX в. Проанализированы механизмы социальной поддержки сиротства и их результативность в исследуемый период.

Ключевые слова: Дальний Восток, сиротство, беспризорность, опека и попечительство, детские учреждения, интернаты, приюты.

The problem of orphanage in the context of historical development of the Far East in the second half of XIX — early XX century.

Svetlana Lazareva, Cand. Sc. (History), the senior researcher of the Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok.

The article deals with the problem of orphanage in the context of historical development of the Russian Far East in the post-reform period. It discloses the reasons promoted the worsening of this problem in the second half of XIX — early XX century. The paper also gives analysis of the mechanisms of the social support to orphans and their effectiveness during the research period.

Key words: the Far East, orphanage, homelessness, care and guardianship, child care institutions, boarding schools, orphanages.

В условиях продолжающейся политической нестабильности во всех сферах социально-экономической жизни страны происходят глубокие структурные изменения. Безработица, нищета, сиротство, детская беспризорность и стариковская бесприютность стали обыденными явлениями. Одной из наиболее важных проблем современной России является детское сиротство. Растёт число детей, попавших в особо трудные условия: это сироты, социально дезадаптированные дети и юные преступники, дети-инвалиды, дети-беженцы, а также дети, проживающие в неблагоприятных экологических условиях.

В российском обществе произошло резкое изменение ценностных ориентаций; психологическая дезадаптация значительной части населения

и снижение нравственных норм негативно сказываются на процессе социализации детей и подростков. Статистика свидетельствует, что почти 50% детского населения страны (около 18 млн чел.) находится в зоне социального риска. Ежегодно в России выявляется около 100 тыс. детей, нуждающихся в опеке.

В научной литературе эта тема была обозначена, однако не нашла должного освещения. Немногие из современных отечественных исследователей обращаются к традиционным российским представлениям о назначении и сущности социальной помощи сиротам, о формах и методах соответствующей практики государства, общественных организаций и частных лиц в дореволюционной России. Исследование сиротства как социального явления, в т.ч. выявление его причин и механизмов социальной регуляции, в России второй половины XIX — начала XX в. позволит перенести многие формы и приёмы помощи детям-сиротам из прошлого в настоящее. При изучении проблемы актуальным и важным будет использование положительного опыта прошлых поколений, чтобы не только материально, но и духовно помочь осиротевшим детям.

Следовательно, особую остроту обретают вопросы, связанные с выявлением форм социальной поддержки сирот и деятельностью местных благотворителей, а также изучение степени согласованности и эффективности предпринимаемых мер с учётом особенностей каждого отдельно взятого региона. В этом плане представляет интерес благотворительная деятельность общественных организаций на Дальнем Востоке, которая осуществлялась по тем же направлениям, что и в Европейской России, но имела некоторые отличия, обусловленные территориальной удалённостью, приграничным положением края, демографическими и национальными особенностями (переселенцы, беженцы, ссыльные, обилие иммигрантов из сопредельных стран).

Одной из многочисленных групп нуждающегося населения в Приамурском генерал-губернаторстве были переселенцы из Европейской России и Сибири. Во второй половине XIX в. шёл активный процесс освоения дальневосточных земель. Этому способствовало множество факторов, наиболее значительными из которых были заключение Айгунского и Пекинского договоров с Китаем (вследствие чего произошло возвращение Приамурья и Приморья России), а также крестьянская реформа, способствовавшая притоку населения в Дальневосточный регион. Правительство проводило активную переселенческую политику. В связи с этим возрастала необходимость оказания социальной помощи вновь прибывающим, в числе которых были и дети.

Анализ документов и данных периодической печати показал, что на протяжении второй половины XIX — начала XX в. сиротой считался ребёнок, потерявший одного или обоих родителей, оказавшийся вне действия социальных институтов. Проблема детей, оставшихся без попечения, существовала в дореволюционной России, но до начала Первой мировой войны беспризорность не носила массового характера. Периодичес-

ки возникали эпидемии, голод и войны — основные причины сиротства и беспризорности. Следует отметить и тяжёлое положение переселенцев на Дальнем Востоке. Осенние рейсы на морских судах из Одессы во Владивосток сопровождались высокой смертностью и болезнями. Сиротами становились различные категории детей: незаконнорождённые (прежде всего), воспитанники учреждений интернатного типа, безнадзорные и беспризорные дети, дети арестантов, брошенные (подкидыши), дети-беглецы.

Современные исследования данной проблемы выделяют несколько этапов становления и развития социального призрения детей в России. Первый этап (до X в.) — зарождение социальной помощи в древнем славянском обществе. Внутри родовой общины практиковалось т.н. «примачество» — усыновление. Сироту принимали в семью, как правило, люди пожилого возраста, не имеющие наследника, когда им становилось трудно справляться с хозяйством. Другой формой поддержки было общественное, мирское содействие: ребёнок переходил из дома в дом на кормление. Эти формы попечения в дальнейшем станут основой христианской модели помощи нуждающимся детям.

Второй этап (X—XVI вв.) предвосхищает социальные институты призрения. С X в. на Руси разрушаются родоплеменные отношения, и основные тенденции помощи сиротам были связаны с княжеской защитой и попечительством. К XVII в. благотворительные функции князя дополнялись монастырско-церковными формами призрения. За осиротевшими присматривали скудельники — старцы и старухи, которых специально подбирали на роль воспитателей. Однако в этот период дети ещё не воспринимались государством и церковью как ценные члены общества.

На третьем этапе (XVII—1961 г.) открылись первые социальные учреждения. Историю призрения детства на Руси связывают с именем царя Фёдора Алексеевича: в 1682 г. он издал указ, где подчёркивалась необходимость обучения осиротевших детей грамоте и ремёслам. Но только при Петре I детство и сиротство стали объектом попечения государства: начали развиваться социальная политика и законодательство, складывалась система поддержки людей (в т.ч. детей), нуждающихся в помощи. Церковь постепенно отошла от дел призрения, выполняя другие функции, а правительство создавало специальные институты, которые осуществляли государственную политику в деле оказания социальной защиты. Именно в этот период детоубийство начинает считаться преступлением, а ребёнок становится субъектом права: ему предоставляются ясные жизненные гарантии, и тем самым определяется его место в системе социальных связей. Если раньше помощь детям обосновывалась следованием христианским заповедям и традициям, то в этот исторический период появляется тезис о государственной необходимости социальной поддержки осиротевших детей.

Четвёртый этап (60-е гг. XIX в. — начало XX в.). Вехой в развитии общественного призрения стали благотворительные общества и союзы.

Среди них особое место занимали учреждения императрицы Марии Фёдоровны, где были сосредоточены денежные пожертвования частных лиц (в т.ч. особ императорской фамилии). Выделялось также Императорское человеколюбивое общество, значительное внимание в работе которого уделялось организации воспитательных домов. Работой общества не были охвачены Сибирь и Дальневосточный регион: основная масса учреждений и заведений находилась в Санкт-Петербурге и Москве. Как свидетельствуют архивные данные, Дальний Восток был мало вовлечён и в благотворительную деятельность императрицы Марии: только Сахалин, как всероссийская каторга, являлся объектом попечения её Ведомства. В конце 1898 г. на острове был открыт отдел общества и приняты под покровительство приюты для детей ссыльных [6, с. 6].

В этот период в России постепенно формировалась сеть благотворительных учреждений и заведений, налаживались и совершенствовались механизмы призрения, которые охватывали всё более широкий круг детей с разными социальными проблемами: болезни, дефекты развития, сиротство, бродяжничество, беспризорность, проституция и др. Призрение распространялось и на детей с физическими недостатками: были организованы приюты для глухонемых, слепых, детей-инвалидов, где их обучали разным ремёслам.

Одним из важнейших направлений учёных и практиков стало оказание помощи и построение системы воспитательно-исправительных учреждений, куда попадали нищие и беспризорные дети. С конца XIX в. по 1917 г. при Забайкальском областном попечительском комитете о тюрьмах функционировал Александровский приют для арестантских детей. Располагался он в небольших деревянных домах, в его помещении работало городское приходское училище № 14, где и обучались воспитанники. На февраль 1912 г. в заведении было 45 детей [5, с. 222].

На рубеже XIX—XX вв. в Приамурском генерал-губернаторстве формируется сеть благотворительных организаций, в основном созданных в период с 1880 по 1900 г. В их числе Приамурское и Владивостокское общества народных чтений, Хабаровское и Никольск-Уссурийское благотворительные общества, Владивостокская комиссия по призрению бедных, Комитет благотворительного и попечительского общества об Ольгинском детском приюте трудолюбия во Владивостоке, Хабаровское церковно-приходское попечительство и др. Однако одними из первых благотворительных учреждений на восточной окраине России стали детские приюты, созданные в 50-х гг. XIX в.: Николаевский в Троицкосавске (1851 г.), Мариинский в Чите (1858 г.). Женский приют ведомства императрицы Марии Фёдоровны (г. Чита) располагался в деревянном доме. Его опекали губернаторы Забайкальской области и их жёны. При учреждении действовала воскресная школа [2, с. 15].

В 1864 г. государство полностью освободило себя от заботы о сиротах, передав дело попечительства над ними в руки земств, на них и органы городского самоуправления (1870 г.) возлагались все расходы по созданию

и содержанию сиротских домов. К концу 1890 г. сложилась определённая система общественного призрения Российской Империи. Тогда же впервые был издан Указ об общественном призрении, где определялись функции центральных органов власти и местного управления в обеспечении помощи нуждающимся. Согласно этому документу, к заведениям по признанию детей относились воспитательные и сиротские дома. Первые были предназначены для младенчества, а вторые — для детей в возрасте от 7 до 11 лет и устройства их в учебные заведения либо к частным лицам для обучения торговле, промышленным и сельским ремёслам [1, с. 73]. За 100 лет (с открытия в 1764 г. Воспитательного дома в Москве и до земской реформы 1864 г.) в 55 губерниях России было создано 75 сиротских и воспитательных домов [4, с. 422].

Хабаровское благотворительное общество начало свою деятельность 8 февраля 1890 г. на основании Устава, учреждённого МВД. Оно образовалось из временного Дамского комитета и действовало под председательством баронессы Корф. Комитет общества обладал солидным опытом благотворительности, его члены были знакомы с местными условиями и сумели целесообразно организовать деятельность, не выходя за пределы своих средств. В 1893 г., когда председателем общества стала В.Ф. Духовская, оно активизировало свою работу, в конце года приступив к обсуждению вопросов об устройстве детского приюта. 8 февраля 1896 г. на средства заведения открылся Хабаровский детский приют трудолюбия, получивший название Александровского в честь императрицы Александры Фёдоровны. В момент открытия в нем призревались пять детей (четыре девочки: шести, восьми, одиннадцати и двенадцати лет, а также мальчик шести лет). На постройку благотворительным обществом было израсходовано 10 263 руб. Основные средства внесли Е.И. Голдобина (Кукель) — 10 тыс. руб. и купец С.Я. Богданов — 200 руб. Комитет избрал заведующего приютом, назначил врача и надзирательницу за детьми [3, с. 26]. Можно обозначить два мотива, которые подвигали филантропов на общепользные действия — организационную работу и выделение средств на постройку и содержание приютов. Во-первых, религиозная потребность «пособить сирым и убогим». Во-вторых, благотворительность давала прекрасную возможность получить общественное признание и уважение. Но каковы бы ни были мотивы, деятельность этих людей способствовала решению проблемы сиротства.

Важную роль в попечении беспризорных детей сыграло Ксеньевское детское убежище Владивостокского благотворительного общества. По прошениям родителей, родственников или решению Комитета в учреждение принимались дети до восьми лет и бесплатно содержались там до достижения подросткового возраста (12 лет для мальчиков и 14 для девочек). Члены общества осуществляли контроль за работой убежища, обязаны были посещать его не менее одного раза в неделю. В заведении работал врач, о чистоте помещений и сохранении здоровья детей,

руководствуясь специальной инструкцией Комитета, заботилась смотрительница [РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 10. Л. 36—37].

Просьбы об определении детей в приют удовлетворялись не всегда. Прошение отклонялось генерал-губернатором, если мать хотела определить туда единственного ребёнка в семье, а также если не оказывалось свободных мест. Когда не было возможности поместить сироту в приют, его за казённый счёт отправляли в европейскую часть России к родственникам, предварительно с ними списавшись [РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 10. Л. 15—16]. Эти факты свидетельствовали, что в Приамурском генерал-губернаторстве к призреваемым осуществлялся индивидуальный подход, происходило оказание адресной помощи.

До начала XX в. проблема сиротства в России не имела той остроты, которую она приобрела впоследствии. Главной причиной увеличения контингента сирот было снижение жизненного уровня населения страны в пореформенный период. Условия жизни детей (однообразие и недостаточность качества питания, антисанитарные состояния жилищ, нехватка денежных средств для полноценного развития, слабое воспитание) способствовали ухудшению их физического и нравственного здоровья, провоцировали обострение проблемы сиротства. Рост численности детей-сирот в конце XIX — начале XX в. определяла также сложная демографическая ситуация, связанная с многодетностью крестьянских и мещанских семей, высоким уровнем смертности взрослого рабочего населения (сложности освоения дальневосточного региона, создания хозяйства в новых условиях и др.). Высокая рождаемость в крестьянских семьях вела к минимуму заботы о детях, как следствие, к безнадзорности и беспризорности. Благоприятной почвой для роста числа сирот являлось увеличение количества т.н. неблагополучных семей. К этому надо добавить социальные факторы, унёсшие значительную часть населения страны и увеличившие число детей-сирот: катастрофический неурожай 1891—1892 гг., холерную эпидемию и русско-японскую войну 1905—1906 гг. Таким образом, можно утверждать, что во второй половине XIX — начале XX вв. возникли особые исторические условия, обострившие проблему сиротства.

В начале XX в. уже не существовало ни одной организации, которая, оказывая всестороннюю помощь переселенцам, не занималась бы строительством приютов для детей-сирот, их воспитанием и обучением. Так, Владивостокское благотворительное общество за 37 лет существования (создано в 1878 г.) организовало приют на 125 детей, богадельню на 25 стариков, выдавало ежемесячные пособия десяткам нуждающихся, неоднократно выделяло средства на приюты для детей-сирот переселенцев [РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 351. Л. 4].

В приютах обучали грамоте, старшие дети работали. Однако заведений не хватало, особенно в Хабаровске. В 1911 г. в городе провели сбор средств на открытие приюта для детей-сирот: устраивали благотворительные спектакли, концерты, прогулки на пароходах. Сбор составил

1150 руб. 24 коп. Помимо этого были разосланы подписные листы, пожертвований собрали на сумму 1217 руб. 24 коп. Дополнительно в 1911 г. при содействии Приамурского генерал-губернатора Н.Л. Гондатти Главное переселенческое управление выделило 3 тыс. руб. на строительство приюта для осиротевших детей из числа переселенцев [РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 352. Л. 3]. В ноябре 1911 г. при переселенческом пункте Хабаровска открылся приют для 25 детей-сирот, названный именем Н.Л. Гондатти. В марте 1912 г. воспитанников было уже 40 и столько же поступило прошений о приёме. В результате Общество вынуждено было расширить возможности учреждения до содержания 80 детей [7, с. 79].

Принимая во внимание отдалённость приюта от города (около двух вёрст) и большое число детей школьного возраста (до 40 чел.), необходимо было построить собственную школу, что и было сделано в 1912 г. К приюту пристроили здание училища и домик для учительского персонала. Всё это обошлось в 15 тыс. руб. Министерство просвещения (МНП) отпустило Обществу пособие — 4 тыс. руб. К этим деньгам были добавлены 5 тыс. руб., выделенные Главным переселенческим управлением. Остальную часть средств Общество собрало с помощью благотворительных концертов и пожертвований. Все постройки были оценены в 32 тыс. руб. [РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 518. Л. 10, 12 а]. Если из этой суммы исключить 12 тыс. руб., выданных Обществу в качестве пособия от Переселенческого управления и МНП, то получится, что только на строительство было потрачено 20 тыс. руб., и это не считая покупки инвентаря. Ежегодный расход на содержание приюта и училища составлял 10 тыс. руб., а в 1912 г. — около 14 тыс. руб. [РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 518. Л. 13].

В 1912 г. был открыт приют в Никольск-Уссурийском переселенческом пункте, в здании, содержавшемся на средства переселенческого управления. Деньги выделялись в распоряжение попечительского совета данного приюта Управлением Приморского района.

Поскольку постоянно ощущался недостаток средств на содержание сирот переселенцев в приютах, в 1913 г. заведующий переселенческим делом Приморского района Б.Н. Клепинин возбудил ходатайство перед Главным управлением землеустройства и земледелия о выделении пособия «на содержание приютов Хабаровскому обществу оказания помощи переселенцам — 4500 руб. и Владивостокскому благотворительному обществу — 1 тыс. руб.». Средства были выделены [РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 400. Л. 14].

Воспитательные заведения испытывали острую нужду и не могли вместить всех поступающих детей. За решением этой проблемы обратились к прошлому опыту. Когда Павел I назначил Марию Фёдоровну начальницей над заведениями общественного призрения (1797 г.), она предложила ввести практику передачи детей в семьи, живущие в казённых (государственных) деревнях. За воспитание крестьянам платили и предоставляли ряд льгот [7, с. 28]. Таких семей на Дальнем Востоке в 1913 г. было немало. В связи с этим в 1913 г. заведующий переселенческим делом

в Приморском районе попросил у Приамурского генерал-губернатора Н.Л. Гондатти «разрешения из назначенных по плану работ параграфа 5 ст. 5 сметы Переселенческого управления 1913 г. 2 тыс. руб. для выдачи пособия крестьянским семьям, принимающим сирот на воспитание». В резолюции от 9 октября 1913 г. Н.Л. Гондатти написал: «Разрешаю» [РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 400. Л. 3]. Причинами, по которым крестьяне брали осиротевших детей, были не только чадолюбие и милосердие, но и соображения прагматического характера. Нередко главы семейств становились опекунами из-за желания увеличить надел общественной земли, получить в будущем дополнительные рабочие руки и денежные пособия. Администрация даже предприняла попытку выдавать деньги матерям, не могущим на свои средства воспитывать детей. Но желающих получить пособие оказалось так много, что дело сошло на нет.

Можно утверждать, что к этому времени уже сложились определённые механизмы социальной помощи детям сиротам: правовой (установление опеки и попечительства, усыновление), традиционный (попечение «всем миром») и помещение в детские учреждения интернатного типа. Правовой механизм действовал в соответствии с актами Свода законов Российской империи, определявшими порядок установления опеки и попечительства над сиротами, а также процедуры усыновления незаконно рождённых детей. Однако имелись существенные недостатки: во-первых, в систему государственной опеки входили не все категории сирот; во-вторых, опека была ориентирована в основном на сохранение имущества сирот привилегированных сословий; в-третьих, законом не устанавливался порядок отказа от опеки, а также положения штрафов за неисполнение опекунских обязанностей. Таким образом, правовая регуляция сиротства страдала несовершенством. В связи с этим общественность стремилась улучшить опеку над малолетними, не связывая её с принципом сословности, следование которому вело к тому, что многие дети-сироты оставались заброшенными. Традиционной формой поддержки сирот являлось поочерёдное кормление детей, оставшихся без родителей (попечение «всем миром»). Она была понятна крестьянам и не требовала проведения длительных юридических процедур. Самым распространённым механизмом социальной помощи детям являлось размещение их в учреждениях интернатного типа.

В начале XX в. наблюдалась тенденция увеличения количества таких заведений, чему в немалой степени способствовала Первая мировая война. Она обострила и без того нелёгкое положение переселенцев. Большинство семей остались без кормильцев, появилось много детей, чьи отцы погибли на войне. Благотворительные и попечительские организации возбудили ходатайство перед Н.Л. Гондатти об открытии новых сельских сиротских приютов. По положению от 15 июля 1915 г. «О создании нового типа учебно-воспитательных заведений в сельской местности — земледельческих приютов», они основывались местными органами управления и в Приамурском крае. В задачи приютов сельского типа входило

предоставление убежища детям, оставшимся без присмотра родителей на время сельскохозяйственных работ, начального общего и сельскохозяйственного образования, а также их социализация, преодоление оторванности от окружающего мира, организация жизни, близкой к крестьянскому быту [1, с. 150].

В 1915 г. в Благовещенске был создан Алексеевский приют для переселенческих детей. В него были переведены воспитанники переполненного Рухловского приюта. Мест в такого типа заведениях катастрофически не хватало. Поэтому принимались меры для открытия новых учреждений в Переяславке, Яковлевке, посту Св. Ольги [РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 400. Л. 101]. Кроме вышеперечисленных, существовали учебные мастерские для переселенческих сирот в г. Имане, было открыто Сучанское общежитие при показательной ремесленной школе [РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 400. Л. 108]. Управление переселенческим делом в Приморском районе выделило на вышеуказанные мероприятия 33 940 руб., которые были распределены следующим образом: Хабаровскому приюту им. Гондатти — 12 тыс. руб.; Никольск-Уссурийскому приюту — 12 500 руб.; Сучанскому приюту и на призрение детей в крестьянских семьях — 3400 руб. [РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 518. Л. 13].

В связи с тем, что одной из главных задач в этот период становится не только организация начального образования, но и обучение детей-сирот сельскохозяйственному труду, многие учреждения начинают приобретать земли для занятий с детьми сельским хозяйством, огородничеством. В документах Общества по работе с приютскими детьми подчёркивалась необходимость того, «чтобы дети содержались в наиболее простой обстановке, чтобы они были обучаемы или огородничеству, или сельскому хозяйству и сами производили все работы как по дому, так и по хозяйству или получали основательное ремесленное образование» [РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 518. Л. 14].

В 1915 г. в приюте им. Н.Л. Гондатти проживало 88 воспитанников, из них 50 подростков от 9 до 13 лет, способных заниматься трудом. Учитывая это обстоятельство, совет Общества по оказанию помощи и покровительства нуждающимся переселенцам обратился к Приамурскому генерал-губернатору с просьбой о перенесении приюта на ст. Верино Уссурийской железной дороги и выделении 900 дес. земли [РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 518. Л. 113]. Прошение совет Общества обосновал тем, что железная дорога способствует удобному сообщению с городом, к тому же возле ст. Верино располагалось селение Переяславка, где находились двухклассная школа и учебно-показательная школа кустарей. Это создавало благоприятные условия для обучения детей.

Никольск-Уссурийский приют для детей-сирот переселенцев находился в ветхих зданиях, которые не были приспособлены для жилья. Они располагались на земельном участке, предназначенном для передачи железной дороге, где намечалось строительство вагонных мастерских. Попечительский совет приюта во главе с председателем Д.М. Золотовым,

исходя из соображения, что детские приюты следует устраивать вне городской черты и, желательно, с земельными участками для обучения детей земледельческому труду, возбудил ходатайство перед Переселенческим отделом Приморского района о выделении приюту 6 тыс. руб. на приобретение в собственность имения В.М. Пьянкова с 600 дес., из которых 80 дес. являлись пахотной землёй [РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 400. Л. 64—65].

С началом Первой мировой войны все сборы благотворительных обществ Дальнего Востока резко снизились: пожертвования главным образом шли на нужды войны, помощь раненым и семьям погибших.

Благотворительное общество Владивостока под председательством **В.Н. Шинкаренко** обратилось к Романовскому комитету (создан в 1914 г.) с просьбой выделить недостающую сумму на постройку ремесленной школы в сумме 5 тыс. руб. (включая средства на оборудование школы) и на учреждение 30 стипендий для детей из семей, проживавших в сельской местности и пострадавших от войны, из расчёта по 200 руб. в год на содержание и обучение одного ребёнка [РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 518. Л. 4, 10]. В поддержку этой просьбы выступил Н.Л. Гондатти: 30 мая 1915 г. он написал письмо председателю Романовского комитета А.Н. Куломзину с просьбой одобрить идею Владивостокского благотворительного общества.

Романовский комитет имел своей задачей «воспособление делу призревания беспризорных сирот сельского населения без различия племён, сословия и вероисповедания» путём «выдачи периодических и единовременных денежных пособий земским учреждениям, сельским обществам... благотворительным учреждениям и частным благотворителям на содержание и расширение существующих и на учреждение новых заведений» [РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 518. Л. 19—21]. Комитет поддерживал начинания в этой области, выделяя необходимые средства. Так, 3 августа 1915 г. на его заседании было рассмотрено ходатайство генерал-губернатора и военного губернатора Приморской области о выделении средств на содержание сирот из сельского населения. После обсуждения члены комитета постановили: «направить в распоряжение военного губернатора Приморской области на содержание сирот сельского населения, состоящих в общежитиях: 1) при Иманской кустарной учебно-показательной мастерской — 3 тыс. руб.; 2) при Сучанской учебно-показательной мастерской — 1100 руб. Всего: 4100 руб.» [РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 518. Л. 53, 54]. Деньги требовались постоянно не только на строительство новых приютов, но и на расширение уже существующих. Так, в пос. Имане и с. Переяславка имелись здания для учреждений, но они нуждались в капитальном ремонте. В посту Св. Ольги предполагалось ограничиться лишь наймом помещения. В течение 1911—1916 гг., вплоть до Октябрьской революции в организации приютов существовали большие трудности: чаще всего они располагались в плохо приспособленных домах; из зданий, взятых в наём, приюты неоднократно выселяли; не хватало средств на полноценное питание и одежду воспитанников.

В протоколе проверки Хабаровского переселенческого приюта комиссией отмечалось: «Дети ходят в школу в дырявых летних ботинках и китайских туфлях, учатся далеко от приюта, не хватает хлеба, дети просят есть и получают грубые ответы: „Вас держат не для того, чтобы закормить, а для того, чтобы с голода не умерли“. Немедленно увеличить выдачу хлеба, так как дети страдают малокровием. Надзирательница бьёт детей младшего возраста и кладёт спать детей без матраца в непригодном помещении» [РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 400. Л. 137]. Несмотря на эти негативные моменты, до 1917 г. государственные органы, общественные и благотворительные организации делали многое, чтобы оказать помощь детям-сиротам.

Таким образом, обострение проблемы сиротства во второй половине XIX — начале XX в. было связано с существенными изменениями в социально-экономической структуре российского государства, вызванными реформами 60—70-х гг. XIX в. Ухудшение материального положения, переходное состояние развития российского общества повлекли изменение отношения к сиротству: в сознании населения оно стало восприниматься как обычное явление действительности. Масштабность его распространения к началу XX в. свидетельствовала о появлении серьёзной социальной проблемы. Как реакция на увеличение количества беспризорных детей разрабатываются и внедряются новые формы социальной помощи, теория трудового воспитания, применявшаяся в практике сиротских учреждений Дальнего Востока. Изменился характер помощи обездоленным детям: она стала не только богоугодным, но и общественно полезным делом, приобрела адресность и системность. Анализ данных по Дальнему Востоку показал значимую роль личной инициативы благотворителей в развитии системы попечения о детях-сиротах. Однако следует подчеркнуть тот факт, что проблема сиротства как в России, так и на Дальнем Востоке ещё долго не находила должного решения.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Алфёров Л.Ю. Призрение сирот в дореволюционный период // Население России и СССР: новые источники и методы исследования. Екатеринбург, 1993. 84 с.
2. Нагайцева Н.Д. Благотворительность в Забайкалье в XIX в.: исторический аспект: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2002. 16 с.
3. Отчёт о деятельности Хабаровского Благотворительного общества за 1896 год. Хабаровск, 1897. 38 с.
4. Россия: Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. Л., 1991. 922 с.
5. Сергеев О.И., Лазарева С.И., Тригуб Г.Я. Местное самоуправление на Дальнем Востоке России во второй половине XIX — начале XX вв.: очерки истории. Владивосток, 2002. 296 с.
6. Сибирский торгово-промышленный календарь на 1911 г. СПб, 1911. 158 с.
7. Урал XX век / под ред. М.Е. Главацкого. Екатеринбург, 1997.
8. РГИА ДВ (Рос. гос. ист. арх. Дальнего Востока).